

Севилле Руштыевна Кереджи Оглы.

Дочь репрессированных в 1949 году турок, учитель истории Мыльджинской школы, одна из авторов проекта «Прощение и память», руководитель краеведческого кружка «Поиск», результатом деятельности которого стало появление в Мыльджино памятного места – сквера памяти, где стоит камень скорби и памятник участникам ВОВ.

(п. Мыльджино)

Неизбывная память

Всего за 8 дней до начала войны был утверждён план выселения семей бывших фабрикантов, помещиков и членов буржуазных правительств из Литвы, Латвии, Эстонии и Молдавии. Таких насчитали почти 23 тысячи семей общей численностью более 77 тысяч человек, т.е. около 1% всего населения этих территорий. Вторая мировая война и последующие десятилетия советского правления оказали сильное воздействие на демографические процессы. Во время войны и в первые послевоенные годы Эстония потеряла четверть населения, главным образом в результате депортаций в другие районы Советского Союза и эмиграции.

В маленьком городке Кунда, что находится на северо-востоке Эстонии, жила семья Таарде Рудольфа Александровича и Марии

Александровны. Рудольф унаследовал от отца лесопилку. Кроме того, семья имела водяную мельницу, кофейню, в которой мололи кофе и расфасовывали для продажи. В каждой сотой баночке была упакована подарочная золотая ложечка. Фотографии того времени рассказывают о семейном благополучии: любящие друг друга родители, дочь - Рената, сын - Рудольф, и достаток в доме. Дом и кофейня, первый «Форд» отца - это всё в далёком призрачном прошлом...

Рената Рудольфовна Таарде

Рената Рудольфовна Таарде... Достаточно одного взгляда на эту очень симпатичную, далеко не молодую женщину, с разбегающимися морщинками вокруг до сих пор красивых, но очень печальных глаз, со своеобразным милым эстонским акцентом, чтобы сказать: «Да, видно, очень нелёгкой была её жизнь, покрутила судьба, на губах скромная улыбка, а глаза очень грустные, наполненные вечной болью, в них не единожды рассказанная, но до конца не высказанная душевная боль, причинённая ей в том далёком и самом страшном для её семьи 1941-м году...»

14 июня 1941 г. семью Таарде арестовали и депортировали. Отца в Эстонии отлучили от семьи и отправили на 10 лет в Севураллаг. Можно сказать, что ему повезло. Рудольф очень хорошо играл на скрипке, там, в Свердловской тюрьме, она была с ним, и его направили в культбригаду, в составе которой было много эстонцев из Тарту, раньше работавших в театре.

Так скрипка спасла ему жизнь в тюрьме, но на поселении не смог справиться с тем горем, что выпало на его долю, и ушёл из жизни.

Марию Александровну с детьми в скотских вагонах отправили в Сибирь. Две недели состав находился в пути до Новосибирска. «Там, - рассказывает Рената Рудольфовна, - нас посадили на баржу и, как всех, повезли по Оби, а потом по Васюгану. Путь был ужасен. Об этом и сейчас вспоминать невозможно. 14 июля мы прибыли в Айполово.

Страшная погода была в этот день - ураган, град, у женщин шляпки, зонтики срывало ветром. Остяки, жившие здесь, никогда не видели таких красивых женщин в невиданных одеждах. Потом, когда стали голодать, мы обменивали свои наряды на картошку, а они, не зная, что такое ночная рубашка, носили их как платья.

Нас отправили в колхоз в посёлок «Дальний Яр», что в километре от Айполово.

Брат очень хорошо играл на аккордеоне, с которым не расстался никогда. Директор детского дома обещал взять его преподавателем музыки, но директора забрали на фронт, а брата отправили в колхоз. В тот год была большая вода, в колхозе неурожай, очень бедный был колхоз. 90% тогда умерло от голода. Семьями вымирали. На человека давали 50 г отвеянного зерна. Уже в 1942 году от голода умерла и наша мама, с братом мы выкопали могилу, как могли, и похоронили её, где сейчас могилка, я не знаю. Брат тоже уже болел, его парализовало и он «таскал» левую ногу. И тогда он решился на отчаянный шаг. Однажды его пригласили в пекарню отремонтировать часы, у него были «золотые руки». Хлебный дух ударил в голову. Он сказал: «Или мы сегодня будем сыты, или умрём от голода» - и вечером отправился в пекарню. Часть муки спрятал в лесу, а утром, когда пришли за ним и заставили вернуть её, он не смог даже нести оставшуюся часть. Сил уже не было не только от голода, но и, видимо, от страха за рас-

плату, хотя знал, что будет ему за кражу. Рудольфа увезли в Новый Васюган. Больше ничего о нём не знаю до сих пор. Как выжила, не знаю, осталась одна среди чужих людей в далёкой холодной Сибири. Мне уже было 15 лет, таких в детский дом уже не брали. Я подала заявление, чтобы мне разрешили выехать в райцентр, т.е. Новый Васюган, там можно было куда-нибудь устроиться на работу. Не зная дороги, отправилась пешком. Меня поселили в барак, где жили эстонцы.

Сразу направили на лесоповал. Самый страшный - это летний период, когда начинался гнус, от звона в ушах и густой пелены перед глазами облепивших тебя кровососов не было покоя ни днём, ни ночью».

Сейчас представить 15-летнюю девочку на лесоповале невозможно. А в том, 42-м, для Ренаты это не было вопросом, нужно было заработать законные 500 г хлеба в сутки, чтобы выжить. О чём думала она после непосильной работы в лесу, какие слова забыты, глотая слёзы, шептала эта маленькая, брошенная на произвол судьбы «отцом народов» девчонка ...

Позднее, в комхозе, куда устроилась на работу Рената, казалось, работать было легче. Для локомотива нужно было в день напилить и наколоть 30 кубометров дров. Вопреки всему и всем Рената выжила. Когда в 1949-м в Новом Васюгане появился новый контингент турецкоподанных народов Кавказа, про себя подумала, что никогда бы не вышла ни за кого из них замуж. Уж больно бедный народ: в штанах, заправленных в носки, на ногах калоши, в простых рубахах, только чёрные, как смоль, глаза и волосы, да взгляд орлиный из-под красивых бровей. Ян-Оглы Назим Халитович был выслан из г. Очамчира, солнечной, цветущей, но очень бедной Абхазии. Суровый край и суровые испытания пережили и они. Судьба, вопреки рассуждениям Ренаты, распорядилась иначе и соединила двух молодых и красивых людей. Благополучие в Эстонии как мираж, а здесь они на равных, двое

бедных, обездоленных, лишённых Родины. С появлением детей поняли, что надо жить ради них. А в 1956 году депортированные народы Прибалтики, Кавказа были откреплены от комендатуры и стали выезжать на родину. В семье Ян-Оглы уже четверо детей: Эрика, Назене (Зина), Фикрия (Александра) и Юрий. В Эстонии у Ренаты родственники, но у Назима не было паспорта, и он уговорил жену уехать к нему на родину.

«Такой нищеты, - вспоминает Рената Рудольфовна, - я не видела никогда, не представляла, что так бедно можно жить. Земляной пол, подобие постели, которую днём убирали, мамалыгу ели руками прямо со стола...»

Рената Рудольфовна забрала старшую Эрику и маленького Юру и уехала в Эстонию. Оттуда отправляла посылки с продуктами в Абхазию, но долго вытерпеть не смогла, душа изболелась за детей, оставшихся с мужем. Любовь соединила их и вернула на место, туда, где родилась их любовь и семья. Они вернулись домой, в Новый Васюган туда, где была Родина их детей. Двадцать лет пролетели как одно мгновение. Родственники из Эстонии помогали семье поднимать на ноги детей. В 1972 году Ната (так ласково зовут её нововасюганцы) осталась одна с четырьмя ребятишками на руках.

Через год судьба свела её с ссыльным, Никитой Брагиным. Он годовалым ребёнком был выслан с матерью, сёстрами и братьями из Красноярска в 1932 году. Вместе они уже 35 лет.

19 июня 2008 года экспедиция «Прощение и память» побывала на земле Васюганской.

Хозяйка дома радушно встретила нас и пригласила в дом. Из своих 85 лет - семьдесят Рената прожила в Сибири, но свою эстонскую культуру она сохранила. Это сквозит в её эстонском акценте при разговоре, в убранстве дома, вышитых её руками подушечках и портьерах. Рукавички, опять же с эстонским орнаментом, согревают и напоминают родину, это песни, которые помнит она и

знают её дети, это связь с родными и близкими. Рената до сих пор переписывается со своей одноклассницей и родными.

На фотографии у Ренаты Рудольфовны на нагрудный значок - цветок с надломленным стебельком - Rukkilill (василёк). Этот хрупкий надломленный цветок символ ни в чём не повинных людей, чьи судьбы сломаны молохом сталинских репрессий. Сколько их таких осталось - одному Богу известно, но о той страшной трагедии будет напоминать Камень скорби, установленный в Томске в сквере рядом с музеем «Тюрьма НКВД» в июне 2008 года. Надпись на русском и эстонском языках гласит: «Эстонцам, погибшим на Томской земле».

Река времени - Васюган, бери каждого второго жителя, и у всех своя семейная трагедия. Людей, переживших сталинские репрессии, видно сразу. Свой отпечаток эти годы репрессий оставили не только в душе каждого, но и в их глазах: в первую очередь - это настороженность и боль, та вечная боль, которую не скроешь временем. Они до сих пор живут прошлым, их жизнь разделена на два периода - «до» и «после». Они живут на новой родине, но всегда помнят ту, которую когда-то потеряли. В каждом семейном альбоме хранятся старинные фотографии из той далёкой жизни, фотографии, напоминающие им любимую потерянную Родину...